

Александра Пиир

Для чего нужен двор? (Возрастные сообщества ленинградских дворов)¹

Настоящая статья посвящена одному из аспектов ленинградского дворового быта 20—50-х гг. прошлого века и базируется главным образом на материалах интервью, записанных в ходе полевой работы в Петербурге в 2000—2001 гг.² Речь пойдет о формах освоения двора различными поколениями и возрастными группами, в процессе которого складывалось новое отношение к этому пространству, не соответствующее его первоначальному назначению и представлениям горожан в предшествующую эпоху. Изменение социального контекста после революции привело к активизации дворовой жизни и постепенному переходу этого пространства из сферы взрослой хозяйственной деятельности (к которой оно относилось с момента своего возникновения, т.е. начала строительства петербургских доходных домов) в сферу детского досуга, ставшую определяющей для жизни городских дворов приблизительно с 1960-х гг.

**Александра Михайловна
Пиир**
Европейский университет
в Санкт-Петербурге

---

¹ Фотографии взяты из семейных архивов Т.Я. Фоменко и Н.Н. Орловской, которым автор приносит свою благодарность.

² Далее — ЕУ Пб–00, ЕУ Пб–01. Полевые материалы хранятся в архиве автора.

Из истории петербургского двора

Дореволюционная застройка, которая составляла большую часть городского жилого фонда вплоть до конца 50-х гг. XX в., в основной своей массе определялась типом так называемого «доходного дома», предназначенного для сдачи внаем. В классическом варианте такой дом имел периметральную застройку и занимал значительную территорию, — Петербург славился самыми большими доходными домами в Европе [Пажитнов 1914: 55–56]. Незастроенное пространство было, как правило, невелико и представляло собой один, а чаще несколько тесных дворов, соединенных темными подворотнями, проходившими в толще дома. При высоте зданий в пять, шесть и семь этажей некоторые дворы могли напоминать узкие шахты, отчего и получили свое название «дворы-колодцы». Наиболее обширным и чистым обычно оказывался первый от улицы двор, на заднем устраивались помойные ямы и выгребы домовой канализации, и на каждом достаточно большом дворе могли быть сараи или поленницы дров, если для них не хватало места в подвале дома.

Судя по нормативным документам, единственной предусмотренной во дворе формой деятельности была хозяйственная, в основном выполнявшаяся дворниками. Помимо уборки двора и «наблюдения за наружным порядком» в их обязанности входила колка дров и доставка их в квартиры жильцов¹ [Алфавитный сборник 1892: 49]. Кроме дворников, в этом пространстве регулярно появлялись различные уличные торговцы, точильщики, старьевщики, тряпичники, бродячие музыканты и пр. Все они громко и нараспев возвещали о своем приходе во двор в расчете заинтересовать хозяек, кухарок, горничных и других обитателей дворовой части дома. При этом уличные музыканты квалифицировались петербургской полицией как нищие и наряду с ними входили в категорию лиц, которых категорически запрещалось допускать во двор². И хотя фактически, судя по многочисленным описаниям современников, эти запреты не выполнялись, официально петербургский двор исключал досуговые формы быта.

---

¹ Объявления о сдаче жилья (например, публиковавшиеся в журнале «Городское дело» в 1909–1918 гг.) обычно содержали указание, что квартира сдается «с дровами» или «без дров». Во втором случае жильцы должны были доставать дрова и выполнять «дровяные работы» самостоятельно или нанимать дворника за дополнительную плату. Наем больших «барских» квартир, как правило, включал и доставку дров.

² Уличным музыкантам позволялось выступать только «в дачных местах, на окраинах города», появляться на улицах города им было запрещено, поэтому дворы оказывались для них единственным прибежищем, где при попустительстве дворника они могли быть не замечены «чинами Полиции» [Алфавитный сборник 1902: 266].

Как правило, таких посетителей двора звали в дом или бросали им милостыню из окна, и таким образом у большинства жильцов не было повода появляться во дворе иначе как «транзитом», — чтобы вынести мусор или пройти в свой дворовый флигель. Это, безусловно, не исключало того, что некоторые жители дворовых флигелей могли проводить какое-то время во дворе, в первую очередь «дворовые дети» — дети прислуги, рабочих, ремесленников и т.д.¹ В результате принятого деления пространства квартир на «парадную» и приватную части окна детских, расположенных в фасадном корпусе, наряду с окнами кухонь и комнат прислуги обычно выходили во двор², и в этом отношении все жившие в доме дети попадали в число «дворовых жильцов». Описания дворов, встречающиеся в воспоминаниях XIX — начала XX в., часто представляют детскую точку зрения «из окна» и свидетельствуют о том, что двор мог входить в сферу интересов ребенка, даже если ему не разрешали там гулять³. Таким образом, существовало два варианта детского досуга, связанного с двором: *гуляние* и *наблюдение* двора, отражавшие практики разных социальных слоев⁴. За исключением этой «детской традиции» можно сказать, что прагматика традиционного петербургского двора определялась главным образом хозяйственно-бытовой сферой.

На рубеже XIX–XX вв. возникает другой тип доходного дома, рассчитанный на увеличение числа состоятельных жильцов. Это дом, имеющий кроме «черных» (хозяйственных) дворов один или несколько парадных (закрытых или курдонеров), в которые, как и на улицу, могли выходить окна гостиных и жилых комнат уважаемых квартир. Парадный двор был всегда благоустроен и напоминал скорее маленький скверик,

¹ Например, бегающие за шарманщиком из дома в дом «дворовые ребята» [Успенский 1990: 77] или обитатели Буркова двора в «Крестовых сестрах» Алексея Ремизова [Ремизов 2001: 197].

² В публикациях начала XX в., посвященных отделке, обстановке и гигиене квартир, осуждалось расположение детских, под которые традиционно отводились «худшие» комнаты [Рубнер 1902: 13; Niina 1906–1907: 11–12]

³ См., напр.: [Бенуа 1980: 284–285; Добужинский 1987: 6; Кони 1922: 19–20, 76–77; Успенский 1990: 75–93]. Ср. также «взрослую» точку зрения, с которой проникающие в окна комнат пыль, запахи и звуки двора, в том числе многократно описанные в «детских» воспоминаниях крики разносчиков и выступления уличных музыкантов, характеризуются как «назойливые», нарушающие «спокойствие и уютность... домашнего очага» [Еаго 1906–1907: 15].

⁴ Ср. в воспоминаниях Тито Коллиандера: «Но с этими детьми, которые ежедневно играли под моим окном, я так и не познакомился. Ни с одним из них. Я знал их имена, видел, чем они занимались, слышал, как их звали матери, но относился к ним безразлично. Мир этих детей был настолько далек от меня, что едва касался сознания, не говоря уже о том, чтобы пробудить интерес. И уж совершенно точно нас разделял не только язык: по-русски я и говорил и понимал довольно прилично. Существовала граница, которую почти невозможно было преодолеть» [Коллиандер 1995: 24].

чем обычный петербургский двор. Установленные в таком пространстве скамейки, а иногда и детские качели при отсутствии каких-либо хозяйственных объектов однозначно определяли его досуговое назначение и прагматику¹.

Тем не менее, хотя сама идея альтернативного использования дворового пространства возникла еще в досоветскую эпоху², число парадных дворов в городе было очень невелико и не могло изменить традиционный статус петербургского двора как нечистого, нездорового и, безусловно, непригодного для отдыха и детских прогулок места³.

Детский досуг

Послереволюционные события нарушили сложившуюся систему быта доходного дома и двора. Первые распоряжения советской власти о мобилизации горожан на «дворничьи» работы — ночные дежурства у ворот дома и уборку от снега улиц и трамвайных путей — были, конечно, явлением временным. Однако новый уклад жизни, при котором контингент «слуг» стремительно сокращался (в том числе приходящих, например прачек), а дровяные работы перестали быть обязанностью дворников, вовлекал большинство жителей дома в дворовый быт.

При этом для определенной части населения дворовые интересы оставались в рамках хозяйственной необходимости, оправдывавшей пребывание человека во дворе. Вынужденной мерой мог считаться и детский досуг, когда в изменившихся условиях двор оказывался единственным местом прогулок ребенка, слишком маленького, чтобы быть отпущенным в городской сад или сквер без сопровождения взрослых⁴. Вообще

---

¹ К концу XIX в. в официальных предписаниях домовладельцам и управляющим домами рекомендуются сажать деревья там, где это допускают размеры двора, «что было бы полезно для целей санитарных и в то же время могло бы служить украшением двора» [Алфавитный сборник 1902: 151]. Однако другие элементы благоустройства — например, скамейки — в этих рекомендациях не появляются, что как бы не подразумевает дворовый досуг. Появившийся «обычай разводить на дворах небольшие садики, если для этого найдется свободное местечко», упоминает в своих воспоминаниях С.Ф. Светлов [1998: 50].

² Эта идея давала основания для различного решения вопроса о допустимости дворового досуга вообще. В ряде случаев даже не парадный, но достаточно обширный и чистый двор мог становиться местом прогулок ребенка из т.н. среднего класса [Добужинский 1987: 6–7].

³ Ср., напр., реакцию современников на строительство доходных домов и условия жизни «дворовых жильцов» [Журнальная мозаика 1840: 2; Еаго 1906–1907: 15; Паскаль, Труболе 1906–1907: 5], а также образ двора в т.н. «физиологических очерках» [Некрасов 1844: 255] и публицистике [М. В-ов 1908: 8; Протопопов 1910: 1393; Столичная хроника 1911: 10–11; Пажитнов 1914: 56].

⁴ Обычное отсутствие свободного времени у родителей объяснялось как большим объемом домашних работ, так и почти всеобщей трудовой занятостью. Продовольственный кризис первых послереволюционных лет и в целом относительно низкая оплата труда вынуждали большинство горожан, в том числе не работавших прежде женщин, устраиваться на работу

постулат, гласящий, что «ребенок должен гулять», не одно десятилетие становился своего рода *пропуском во двор* для детей из семей, не допустивших бы подобные прогулки при более благоприятных обстоятельствах. Другой «извиняющей причиной» детского дворового досуга стал дефицит жилого пространства и само проживание в коммунальной квартире, исключавшее возможность шумных и подвижных (т.е. совместных) детских игр.

Инф. *И вот у меня, например, такое воспоминание даже. Нас вообще не выпускали так раньше во двор. А вот после революции, вот первые годы там когда-то, не знаю, не помню, какие годы, но что-то нас вдруг выпускать во двор начали. <...> Да, где-то выпускали нас, ну выпустят — во дворе одни ломовики, ничего больше нет. Значит, детей нет как-то. В общем, не было принято особенно во дворах [гулять]* (ЕУ Пб–01, ПФ–27, женщина 1912 г.р.).

Инф. *Квартиры у всех были коммунальные, собираться было трудно, негде практически. <...> Поэтому мы проводили все время на улице. Во-первых, были территории, свободные для игры. Так? И двор там, и пустырь, где можно было побегать, и в прятки, и в пятнашки, и в казаки-разбойники — это все были игры такие* (ЕУ Пб–00, ПФ–1, мужчина 1923 г.р.).

Ситуация, описанная в первой из приведенных цитат, когда *гулять во двор не пускают, потому что это не принято, но потом это становится можно*, очень характерна для всего рассматриваемого периода. Такая демократизация родительской позиции далеко не всегда может объясняться возрастом ребенка. Во-первых, прогулки во дворе не требовали провожатых, давая возможность присматривать за маленьким ребенком из окна, в то время как, став старше, он мог самостоятельно пойти в ближайший парк или, допустим, заниматься в каком-нибудь кружке. Во-вторых, ограниченное пространство двора легче вмещало игры малышей, способных довольствоваться кучей песка или «классиками» в отличие от старших, которые осваивали дворовые территории и объекты, не подходящие (с точки зрения взрослых) для детского досуга. И, наконец, сами дворовые занятия дошкольников были достаточно безвредны, реже чреватые серьезными конфликтами, и в целом опасность *дурного влияния двора* для них оказывалась менее актуальна, чем для подростка, о чем еще пойдет речь в дальнейшем.

(предпочтительно на государственную службу, дававшую различные льготы). Людям с «не-надежным» социальным происхождением было важно также избежать опасности попасть в категорию «нетрудовых элементов» (о преимуществах статуса «трудящегося» и адаптации бывшей «буржуазии» к советскому образу жизни см.: [Чуйкина 2000а: 80, 82–83; 2000б: 167–170]).

Мотивация представлений о том, где предпочтительнее (безопаснее) гулять ребенку, могла иметь прямо противоположные «рациональные» обоснования. С одной точки зрения, во дворе *«все под контролем. И дети, которые бегали там, то, что им кричали что-то из окон родители или соседи, конечно, не оставляло сомнений в том, что пространство простреливается насквозь»* (ЕУ Пб–01, ПФ–14, мужчина, 1940 г.р.). Альтернативная позиция отражала предпочтение общегородского пространства и сообщества, которому делегировалась контролирующая функция: *«Когда мы гуляли в садике, то это большое пространство, место открытое, много всегда людей, и мы вроде как под присмотром, а во дворах все может случиться»* (ЕУ Пб–01, ПФ–29, женщина, 1940 г.р.).

Во многих случаях сам факт не-гуляния ребенка во дворе служит статусной характеристикой его семьи, признаком принадлежности к *интеллигенции* или *коренным петербуржцам* в противовес *«семьям попроще»* или *приезжим*. Очевидно, что такая позиция апеллировала к предшествующему состоянию и поддерживалась в первую очередь старшими поколениями. Интересно, однако, что наряду с более лояльным отношением к детскому дворовому досугу, учитывающим изменившиеся обстоятельства, эта позиция просуществовала вплоть до конца 50-х гг.

Инф. *Значит, во двор нас вообще не выпускали гулять. В то время... ну считалось как бы это неприлично вот.*

Соб. *Гулять во дворе?*

Инф. *Да, да. Во дворе не гуляли в 50-е годы. Хотя часть, это вот дети были, как правило, вновь приехавших после войны людей, в первом поколении такие мигранты, да? Вот они гуляли. А питерские дети не гуляли. Нет, нет. Вот вообще это не было принято. <...> Группы были так называемые. Причем это не значит, что высокого достатка люди были, нет. Собирались в группы там пять-десять человек, иногда меньше, так, в зависимости от достатка¹. И выводили нас вот в Михайловский садик, или прямо перед Михайловским замком два бульвара — вот там гуляли. Ну и, конечно, Михайловский сад, и Марсово поле, и Летний сад — вот туда выводили. <...> А у кого бабушки были, те с бабушками*

¹ Частные дошкольные группы были одной из возможных альтернатив дворовому досугу. Однако уже с 1923 г. их деятельность начинают ограничивать (не более трех детей в группе, обязательная проверка педагогической квалификации воспитательниц, которых в народе именовали «боннами», и регистрации в Рабпросе и Отделе народного образования), а в 1941 г. окончательно запрещают [О порядке занятий с детьми 1924; О «частных дошкольных группах» 1941]. В то же время, по свидетельствам нескольких информантов, они посещали группы, в которых было около пяти-шести детей (видимо, действовавшие нелегально), уже в послевоенные годы.

ходили туда гулять. Потому что [детских] садиков почти не было тогда, это была очень большая проблема. <...> Потом, где-то уже в классе я училась шестом... мне было лет четырнадцать-тринадцать, вот тогда я уже стала выходить во двор. Значит, уже немножко изменился и состав людей во дворе. Но то же продолжалось. Там были семьи такие, более строгих что ли правил, вот те, кого я знала еще по детству, тоже не гуляли, не выпускали во двор. Но [так] как бабушки уже не было, уже некому было сказать, что «гуляют только кухаркины дети», нет, «дворовые девчонки, дворовые дети» — прабабушка говорила мне, даже не бабушка. И уже меня выпускали во двор. Конечно, этого хотелось безумно. В это время уже гуляли (ЕУ Пб–01, ПФ–23, женщина, 1941 г.р.).

Приведенная цитата представляет крайнюю (хотя и весьма распространенную) точку зрения на допустимость детского дворового досуга. Тем более крайнюю, что в доме, где жила информантка, существовало два двора: «хозяйственный» и «общественный». Последний был если и не благоустроенным, то по крайней мере достаточно просторным для детских игр. Наличие более чем одного двора, как правило, оказывалось значимым, так как давало возможность функционального разграничения пространства. При этом дальний от улицы двор, именовавшийся обычно *задний* или *черный*, предназначался для хозяйственной деятельности, в то время как *передний* мог считаться «общественным» или, нередко, собственно *детским*.

Другим типом двора, рождавшим лояльное отношение к детскому досугу, был двор в советских новостройках¹. До 50-х гг. жилищное строительство в городе велось очень ограниченно, однако отдельные территории начали застраиваться с середины 20-х гг. Дворы новой застройки, как правило, были образованы несколькими домами, имели бóльшую площадь и минимальные озеленение и благоустройство. Стандартный минимум составляли отдельные чахлые зеленые посадки, несколько скамеек у подъездов и/или «на площадке» и песочница. Хозяйственные объекты в таких дворах выносились на периферию, освобождая центральную часть для досуга. Иногда дом имел местную кочегарку, а реже и газопровод, в таком случае потребность в дровах уменьшалась или отпадала вовсе. Важную роль играло и нередкое отсутствие в районах первых

¹ Жилищное строительство и благоустройство дворов в т.н. «рабочих районах» были направлены на создание нового советского типа городского пространства — открытого и благоустроенного квартала, предназначенного для *досуга трудящихся* в противовес старому аристократическому центру с его мрачными *хозяйственными* дворами (об изменении иерархии городских пространств см.: [Герасимова, Чуйкина 2000]).

новостроек городских парков, часть функции которых намеренно делегировалась дворам¹.

Безусловно, новый советский двор подразумевал досуг не только детей, но и взрослых. Однако, судя по материалам обследования, проводившегося в 1936 г. Институтом коммунального хозяйства в двух новых наиболее благоустроенных кварталах Ленинграда (на Лесном проспекте), в «час-максимум» буднего дня во дворах проводило свободное время 23,3% всех детей и 3% взрослых жильцов. По мнению авторов публикации, *«такое малое количество взрослых надо отнести за счет недостаточности оборудования для них площадок»* [Бродович, Кругляков 1937: 23–24]. Заметим, однако, что под благоустройством двора для взрослых понималось, как правило, устройство спортивных площадок, более подходивших для досуга молодежи и подростков, чем для взрослой части населения в целом. Пенсионеры вообще редко упоминаются в числе потенциальных пользователей дворов (в основном на уровне собраний в жактах и домохозяйствах). С позиции городской администрации благоустроенный двор предназначался для отдыха *детей и трудящихся*.

Организация детского досуга была заботой городских органов власти и в целях предупреждения безнадзорности, хулиганства детей на улицах и нарушения ими правил уличного движения. С середины 30-х гг. постановления Ленсовета обязывают Ленжилуправление организовывать при жактах детские комнаты и площадки и *«отводить для игр детей соответствующие места при домах, не допуская на проезжей части игр и катание детей на роликах»* [О предупреждении детского уличного травматизма 1938: 7]². Очевидно, что возможность выполнения этих указаний во многом зависела от наличия свободного места во дворах и свободных помещений в доме, что не было распространенным явлением. Судя по постановлениям Ленсовета, фиксирующим отсутствие во дворах и парках *«элементарных условий для игр, спорта и разумных развлечений детей»* [О мерах борьбы 1937: 3]³, докладам общественных комиссий содействия домохозяйствам с детьми [ЦГА Ф. 4948, Оп. 1, Д. 420, Л. 27–49об]⁴, а также материалам интервью, организа-

¹ Принцип, на который ориентировалось советское градостроительство, гласил, что *«первой ячейкой благоустройства должен быть не отдельный дворовый участок, а квартал»*, вмещающий площадки, предназначенные для разных форм досуга, которыми будут пользоваться все жители данного квартала [Де-Плансон 1923: 48]; см. также [Бубнов 1939: 138–151; Кругляков 1939: 5–77].

² См. также [О борьбе с нарушениями 1933: 5; Об организации внешкольной работы 1936: 2; Об организации обслуживания 1938: 4; О внешкольной работе 1938: 5].

³ См. также [Об усилении борьбы 1950: 1; Об усилении борьбы 1952: 5].

⁴ Общественные комиссии содействия домохозяйствам с детьми были организованы сразу после войны именно в связи с отсутствием необходимой работы с детьми.

ция взрослыми дворового досуга детей была скорее стандартным требованием и пунктом отчетности домохозяйств и жилконтор, чем реальной практикой. Что касается специального оборудования детских дворовых площадок, то в старой части города оно активно началось только в конце 40-х — 50-х гг. в связи с массовым сносом деревянных сараев, когда во дворах кроме песочниц стали появляться качели, горки, а местами даже небольшие катки.

В целом, говоря о результатах вышеупомянутых изменений, нужно отметить, что отношение к детскому дворовому досугу со стороны взрослых, безусловно, перестало быть однозначным. В большинстве случаев это отношение учитывало многие существующие обстоятельства: от характеристик самого дворового пространства и преобладавшего контингента жильцов дома (а соответственно и посетителей двора, с которыми приходилось контактировать ребенку) до возраста ребенка, степени занятости его родителей и других членов семьи.

В заключение этого раздела приведем мнение, представляющее другую крайнюю позицию в отношении детского дворового досуга, противоположную приводившейся выше. Заметим, что в обоих случаях ситуация была сходной: в доме существовали два двора, один из которых предназначался для хозяйственных целей, а второй — для досуга, хотя и не был благоустроен; возраст обеих информанток и формальное социальное положение их семей тоже приблизительно одинаковы.

Инф. *Мы жили так хорошо, в смысле дружно, со всеми людьми двора. Двор — это была наша семья. <...> Вот, в переднем дворе это была «детская». Никого здесь не допускали, была чистота. Никто не возмущался, что мы там играли, кричали. В общем, мы не сидели дома, потому что у всех моих подружек, у всех мальчишек были коммунальные квартиры. Там не разгуляешься, приходят родители с работы — все в одной комнатке. Вот. И поэтому все дети выходили на улицу. Причем мы знали всех жильцов. Ну, потому что мы знали всех детей и, значит, соответственно мы знали их маму и папу. Мы всегда здоровались со всеми. Это было, знаете, вот двор наш была большая семья. Вот, и нас было много такого приблизительно одинакового возраста (ЕУ Пб–01, ПФ–10, женщина, 1939 г.р.).*

Нарушение прежнего статуса городского двора и, как следствие, противоречивое к нему отношение оставляли открытым вопрос о *допустимости/недопустимости* тех или иных практик, форм поведения и о самих действующих лицах этого пространства. Перейдя в собственность «коллектива жильцов», двор фактически потерял своего владельца, стал *ничьим* и начал осваиваться самыми разными взрослыми и детскими группами.

Дворовые сообщества

Помимо детей и подростков существовало несколько взрослых сообществ, считавшихся заведомыми дворов. Вполне естественно, что ограниченное пространство коммунальных квартир, не допускавшее многие виды общения, вызывало потребность проводить досуг за пределами жилища не только у детей, но и у взрослых. Однако представление о том, что взрослый человек должен быть занят «полезным трудом», а свободное время проводить «культурно», рождало соответствующее отношение к людям, чье пребывание во дворе не было связано с хозяйственными нуждами или какой-то иной «пользой».

Вместе с тем присутствие во дворе отдельных взрослых групп считалось нормальным, и негативные характеристики некоторых из них не были достаточным основанием, чтобы жильцы или администрация дома попытались воспрепятствовать их досугу. В большинстве случаев такие дворовые группы воспринимались как *обычное явление*, поэтому в интервью нередко встречаются специальные указания на то, что во дворе информанта таковых не было, либо ситуация описывается как типичная.

Инф. *Но кроме родителей, чьи дети бегали по двору и которые должны были как-то, хотя бы очень ограниченно, в этой жизни участвовать, было множество людей, которые интенсивно общались во дворе. Это пьянь всякая. Вот для них, для них дворовое сообщество, конечно, было самым главным. <...>*

Соб. *Получается, во дворах в основном оказывались дети, пьяницы...*

Инф. *Дети, пьяницы и бабушки. Там далеко не везде можно было посидеть, но какие-то сообщества бабушек, безусловно, были. Иногда они сидели, где-то там какие-то скамеечки появлялись. И они тоже знали хорошо друг друга. И вот эти три такие группы вот: дети, пьяницы и бабушки — они как-то консолидировали это сообщество. Во всяком случае ту часть, которая желала себя признавать... желала членствовать в этом сообществе (ЕУ Пб—01, ПФ—14, мужчина, 1940 г.р.).*

Как можно заметить, в приведенной «типологии» использованы три принципа формирования дворовых сообществ: возрастной, гендерный и «по интересам». Последний оказывается актуален только для мужских сообществ, тогда как интересы, объединяющие детей и бабушек, считаются как бы очевидными. Так, несмотря на то, что к сообществу бабушек вполне могли примыкать отдельные «дедушки» или неработающие молодые женщины (домохозяйки) и домработницы, сфера интересов группы, формы взаимодействия и практики, как и

ее название, соотносились с конкретной половозрастной характеристикой. Мужские дворовые группы обычно не знали разделения на молодежь, людей среднего поколения и пенсионеров (хотя дети туда практически никогда не допускались). Кроме того, в редких случаях гендерный принцип нарушался, и в мужское сообщество могла оказаться включена какая-нибудь «особого склада» женщина («*такой, знаете, мужик в юбке*» ЕУ Пб–01, мужчина, 1940 г.р.).

Очевидно, что готовность включаться в дворовые сообщества была более характерна для категорий граждан, по тем или иным причинам социально пассивных в широкой сфере общественной жизни и реализовывавших таким образом свою потребность в социализации. В то же время склонность проводить свободное время во дворе свидетельствовала о наличии у группы неких «дворовых интересов», которые оказывались главным критерием для формирования общественного мнения.

Мужской дворовый досуг далеко не всегда основывался исключительно на совместной выпивке, хотя нередко она оказывалась значимой составляющей дворового общения. Наиболее «знаменитой» дворовой группой были т.н. «доминошники». Помимо дворов они могли обосновываться в парках, скверах и других местах, где можно было установить стол — необходимый атрибут игры в домино. Сам процесс игры именовался «забивать козла»¹. Поскольку во многих случаях игра шла на пиво, которое должны были «поставить» проигравшие (бидончик, с которым они бегали к ближайшему ларьку, — еще одна важная деталь этой игры), доминошников нередко могли относить к категории дворовых пьяниц. Выпивка и обценная речь считались обычными сопутствующими элементами процесса игры и в целом признаками этой группы, т.е. входили в категорию *нормального* (конечно, если не нарушались какие-то негласно принятые границы, допустим, определенный уровень шума и т.п.). Поэтому открытые конфликты, как в приводимом ниже примере, встречаются редко. В данном случае речь идет уже о начале 60-х гг., когда двор стал трактоваться как пространство преимущественно *детское*. Впрочем, игра в домино в непосредственной близости к детской площадке должна была восприниматься как *отклонение* и в предшествующий период. Важно и то, что песочница была сделана раньше стола, т.е. место было *уже занято* детьми.

Инф. *И вот эти мужчины играли в домино там, стол сделали. Так сломали! Женщины! Вытащили это самое: «Идите, мол, за*

¹ Мифоритуальным истокам этого выражения посвящена замечательная статья В.Н. Топорова [1978].

дом¹, куда-нибудь вон за мусорные эти, ну где мусор ссыпают, так идите туда». И туда и поставили.

Соб. А почему?

Инф. Да потому что ругаются да, знаешь, выпивают там. А тут дети. <...> Ну они сделали там стол во дворе в этом, где дети там, вот песочницы тут. Ну, где дети играют. <...> Ну и ругаются, и матом, и выпивают. А особенно в выходные, так это субботу-воскресенье они всё там вот.

Соб. А женщины, которые сломали стол и их выгнали, — это просто жильцы дома, или так домовый комитет решил?

Инф. Жильцы и две дворничихи, это они вот: «Давайте к чертовой матери! Тут ребяташки, мол, это самое, а они...» И сломали. И управхоз сказал: «Правильно. Давайте идите туда, тут дети».

Соб. То есть эти мужчины пожаловались управхозу?

Инф. Нет. Это сам он, управхоз, мол: «Не ругайтесь на женщин. Не дело. Тут дети. Идите, отправляйтесь к задам, стройте там и играйте» (ЕУ Пб–01, ПФ–37, женщина, 1925 г.р., дворник).

В более ранний период, когда детский дворовый досуг считался скорее вынужденным, чем приоритетным, представление о несовместимости форм дворового быта мужского и детского сообществ отражалось в запрете детям подходить близко к столу доминошников (иногда это просто «внутренний запрет» — нельзя подходить, потому что могут прогнать). Сам стол чаще устанавливался в визуально малодоступной части двора, например в районе дровяных сараев, в каких-то *укрытиях* и *закутках*. В ситуации, когда в большом дворе стол оказывался стоящим на открытом месте, дети соблюдали определенную дистанцию, которая могла восприниматься (скорее условно) как акустическая («Конечно, нас туда не подпускали, даже на... на расстояние звука голоса более или менее. Так, ну, метров на пять» ЕУ Пб–01, ПФ–18, мужчина, 1950 г.р.). В старой застройке необходимость в подобной «пограничной полосе» могла и отсутствовать благодаря наличию многочисленных хозяйственных объектов или сложной конфигурации двора. В то же время, если стол, на котором играли в домино, был построен домохозяйством в качестве элемента благоустройства двора, он мог находиться в «общественной» зоне и

¹ Речь идет о дворе в новой застройке, поэтому изгнание доминошников *за дом* в данном случае не означает «за пределы двора», территория, где находятся мусорные баки, фактически аналогична «черному» двору в старой части города. Таким образом, конфликт имеет своей целью не запрет этой формы досуга как таковой, а восстановление *правильного* распределения зон дворового пространства.

Дворовые шахматисты и доминошники. Начало 60-х гг.

использоваться детьми и доминошниками в дневное и вечернее время поочередно¹.

Несмотря на то, что сама форма досуга доминошников трактовалась как бесцельная и бессмысленная трата времени, на уровне организации общественной жизни домохозяйства игра в домино считалась нормальным времяпрепровождением. В списках настольных игр, имевшихся в наличии или рекомендованных красным уголком, домино фигурирует наравне с шахматами и шашками [ЦГА. Ф. 151. Оп. 5. Д. 139. Л. 1–30]. В период активного благоустройства дворов, начавшегося в послевоенные годы, в перечнях элементов дворового оборудования часто появляется «стол(ик) со скамейками» [ЦГА. Ф. 4948. Оп. 1. Д. 420. Л. 12–49]².

За большим самодельным столом могли с успехом помещаться и доминошники, и дворовые шахматисты/шашкисты, хотя последние чаще довольствовались только скамейкой, устанавливая доску между игроками. Вместе с тем уже само наличие во дворе стола актуализировало тему выпивки — застоля. С этой целью стол мог использоваться молодежной компанией или

¹ Интересно, что в этом случае дети использовали стол аналогично, — они тоже играли в домино, но «на интерес». Никакого гендерного разделения в данном случае не существовало, — девочки допускались к игре наравне с мальчиками (ЕУ Пб-01 ПФ-33, женщина, 1926 г.р.).

² Позже, в 60-е — 70-е годы, столы из дворов, напротив, исчезают, возможно, именно потому, что считаются элементом взрослого, а не детского дворового быта, к тому же провоцирующим нежелательные формы досуга.

объединять разные по возрасту и «интересам» мужские группы. Приверженцы всех этих форм досуга входили в категорию «дворовых мужичков», не слишком уважаемую остальными жильцами, но и не считавшуюся аномалией.

Совершенно иную позицию в структуре взаимоотношений жителей дома занимало сообщество «бабушек». При том, что эта позиция могла быть более или менее активной, нередко упоминаемая функция консолидации коллектива жильцов имела под собой ряд оснований. Очень часто через бабушек, как и через гулявших во дворе детей, осуществлялось т.н. «дворовое знакомство» с той разницей, что контакты старшего поколения относились к сфере взрослого повседневного быта и могли включать *«одалживание соли, небольшой суммы денег, визиты друг к другу, обмена мнениями о кухне, жалобы на все то, что происходит, совместные переживания тех микро- и макро-событий, которые здесь случались»* (ЕУ Пб–01, ПФ–24, мужчина, 1929 г.р.). Кроме пенсионного возраста, фактором, оправдывавшим дворовый досуг, могли быть гуляющие во дворе внуки или, например, развешенное сушиться белье, если за теми или другим необходимо было присматривать. Таким образом, бабушки могли проводить время во дворе «с пользой».

Помимо самого факта ежедневного общения друг с другом и прочими жителями дома особое положение бабушек могло базироваться на регулярных контактах с домовою администрацией и дворниками. Как правило, на некоторые должности, не требующие специальной квалификации (паспортистки, машинистки, лифтерши и т.д.), в жилищные конторы и домохозяйства устраивались пожилые женщины, предпочитавшие работать вблизи дома. В некоторых случаях так могла решаться проблема присмотра за детьми. Профессии управдома и дворника тоже постепенно становились женскими, пожалуй, единственную серьезную конкуренцию на должность управдома в послевоенные годы составляли отставные военные. Таким образом, в большинстве случаев работниками домовою администрации и жилищных контор были женщины среднего или старшего возраста, жившие в том же или соседнем доме. Очевидно, что в свободное от работы время они могли легко встраиваться в сообщество дворовых бабушек, иногда составлять его актив либо просто регулярно с ним контактировать.

В результате бабушки нередко оказывались, с одной стороны, «информационным центром», а с другой — своего рода контролирующей инстанцией, обладавшей если не властью, то во всяком случае некоторым авторитетом в вопросах, касающихся повседневного дворового быта. И если взрослая часть жителей дома в принципе могла игнорировать старшее поколе-

ние или относиться к нему с иронией¹ (впрочем, пока дело не доходило до жалоб управдому), то дети были, безусловно, подконтрольны бабушкам вне зависимости от наличия/отсутствия каких-либо родственных с ними отношений.

Инф. *Были лавочки, естественно, у каждого подъезда. Там на лавочках сидели бабушки и обсуждали всех входящих и выходящих, и проходящих, и вообще все события мировые. Это даже я помню, несмотря на то, что дети обычно на это внимания не обращают. Помню, потому что они все время приставали, все время делали замечания какие-нибудь. Все время требовали чего-нибудь совершенно несуразного от тебя. Например, чтоб ты шел медленно. А почему, собственно, я должен идти медленно? Но, как я теперь понимаю, это, в общем, был такой пункт приема и обмена информацией.*

Соб. *А какая реакция на замечания бабушек?*

Инф. *Ну, какая у мальчишки реакция? Там секунд, наверно, на семь примерно смириться, покориться, всем лицом сделать, что ты согласен и больше так не будешь, потом немедленно побежать дальше и продолжать свои дела. Никакой особой реакции не было. Это реакция как на любую назойливую муху, при этом которую отогнать нельзя, надо сделать вид, что ты ее очень уважаешь.*

Соб. *А надо сделать вид, что уважаешь?*

Инф. *Надо сделать вид, что уважаешь, конечно. А как же? Они же бабушки, они же власть в некотором роде. Вот это ощущение чувствовалось, что они имеют право как бы делать тебе замечания. Ну, как учитель, да? (ЕУ Пб–01, ПФ–18, мужчина, 1950 г.р.)*

Безусловно, далеко не все пожилые женщины, жившие в доме, общались во дворе. Обычно это была небольшая группа, «ну вот склонные... есть такое племя, которые склонны к тому, чтобы вот не дома там что-то делать или там почитать дома книгу, нет, а вот посудачить» (ЕУ Пб–01, ПФ–21, мужчина, 1934 г.р.). Обязательным условием присутствия во дворе бабушек были лавочки, часто располагавшиеся у парадных. Это не только позволяло наблюдать проходивших жителей дома, но и неминуемо подразумевало какую-то с ними коммуникацию

¹ См. для сравнения деспотичное «правительство старух» в ашхабадском дворе у Леонида Филатова: «Вечером мой двор угрюм и глух, | Смех и гомон здесь довольно редки, — | Тайное правительство старух | Заседает в сумрачной беседке. | Он запуган, этот бедный двор, | Щелк замка — и тот, как щелк затвора. | Кто знал старушечий террор, | Согласится, — нет страшней террора. | Пропади ты, чертова дыра, | Царство кляуз, плесени и дуста!.. | Но и в мрачной пропасти двора | Вспыхивают искры вольнодумства. | Якобинским флагом поутру | Возле той же старенькой беседки | Рвутся из прищепок на ветру | Трусики молоденькой соседки!..» [Филатов 2002: 228].

Бабушки, дети и белье. Двор дома на пр. Карла Маркса
(Б. Сампсониевский пр.), начало 30-х гг.

(как правило, при наличии во дворе других скамеек бабушки все равно занимали именно эту «сторожевую» позицию). Доминошники также могли обосноваться только там, где можно было поставить стол, однако их дислокация была, напротив, продиктована стремлением к обособлению. Дворы, не имевшие этих элементов благоустройства, осваивались преимущественно детьми и подростками, а в вечернее время иногда и молодежными группами.

Одним из распространенных занятий во дворе детей, подростков и молодежи были спортивные игры, среди которых старшие группы чаще отдавали предпочтение волейболу, а младшие — футболу и лапте. Среди девочек, в футбол, как правило, не игравших, и самых младших детей популярностью пользовался штандер¹. Очевидно, что никакого специального спортивного оборудования и инвентаря не существовало, и единственным необходимым условием этих игр было наличие во дворе хотя бы небольшого свободного пространства. Футбольные ворота чаще всего просто маркировали двумя чурбанами, булыжниками и пр. или использовали какой-нибудь существующий проем, волейбольную сетку заменяла веревка, и даже сам мяч (большая ценность, особенно в первые послевоенные годы) за отсутствием настоящего мог быть самодельным — сшитым.

¹ Вероятно, от нем. *stand hier* «стой здесь» (этимология подсказана А.Н. Кушковой).

В принципе спортивные игры были как раз той формой досуга, которую не только допускали, но и пытались организовывать во дворах и парках городские власти. В то же время с «внутренней» позиции такого рода дворовые развлечения были наиболее чреватые конфликтами по сравнению с другими способами времяпрепровождения. Основных причин конфликтов было две: разбитые окна жителей первых этажей и шум в вечернее время. Как правило, блюстителями интересов жильцов выступали дворники, пресекавшие действия нарушителей и сообщавшие о выбитых стеклах и прочих *нарушениях порядка* родителям провинившихся и/или управдому¹. Нередко этот механизм контроля совершался/дублировался дворовыми бабушками, которые *«тоже все про всех знали и тоже учиняли донос родителям»* (ЕУ Пб–00, ПФ–4, женщина, 1937 г.р.). Во многом именно в процессе такого рода конфликтов формировались *дворовые правила*, касавшиеся как хозяйственной (отчасти регламентированной официально), так и досуговой сферы.

Инф. *Ну, там порядки же были, ну порядок. Дети, понимаете, у нас были вот с малолетства приучены к какому-то порядку. Что можно делать, что нельзя.*

Соб. *А что можно было делать и что нельзя?*

Инф. *Ну, нам... ну, бить стекла нам не разрешали, говорили, что можно играть, кричать, но вот как-то играйте так... а ведь мы же бросались мячом... в некоторых играх, вот штандер. <...> Ну и не разрешалось нам шуметь после там... управдом что говорил, ну, после девяти, вот, всё. В девять никаких игр не должно быть. Все должны люди отдохнуть, всё. И мы строго это выполняли. <...> Вот такая дисциплина, она, понимаете, вседозволенности у нас не было, как теперь у нынешних детей. Вот поэтому, видно, это все так нас и воспитывало потихоньку* (ЕУ Пб–01, ПФ–10, женщина, 1939 г.р.).

В некоторых случаях дислокация во дворе разных поколений могла быть как территориальной, так и временной (ср. упомянутую выше ситуацию поочередного использования стола детьми и доминошниками). Встречающиеся примеры временного

¹ Ср. воспоминания о довоенном детстве: *«Детство — это иерархия. Моя детская иерархия была своеобразна. Главными были дворники. Они стерегли двор и за всеми следили. Даже участковый милиционер был ниже их по званию, потому что следил только за преступниками»* [Крышук 1997: 170]. Фигура дворника, весьма значимая для детского и подросткового сообщества, связана с двумя основными сферами деятельности: санитарно-хозяйственной и административно-контролирующей. Реализация обеих функций обеспечивала во дворе *соблюдение порядка*, т.е. некоего необходимого уровня чистоты, тишины и нормы поведения. Несомненно, что в каждом отдельном случае этот уровень был отличен и зависел от многих факторов: респектабельности/нереспектабельности района и самого дома, благоустроенности двора, преобладающего контингента жильцов, — т.е. приблизительно того же перечня, который определял допустимость детского дворового досуга.

Дети во дворе дома на пр. Карла Маркса (Б. Сампсониевский пр.), начало 30-х гг.

распределения двора между поколениями, как правило, относятся к небольшим и хотя бы минимально благоустроенным дворам в старой части города, которые оказывались привлекательными для различных групп жителей дома, но не давали им возможности «разойтись». В приводимой ниже цитате семь часов вечера — временной рубеж, когда двор из распоряжения детей переходил в распоряжение молодежи.

Инф. *Мы уходили... выгоняли нас в семь часов со двора. Выгоняли, да. «Всё, по домам. Всё». Там могли только находиться уже более старшие, взрослые и старше нас. Это, видимо, вот студенты, или молодые, которые работают там. То есть они могли поиграть там в городки или посидеть там, что-то посудачить, так вот просто поразговаривать. Но вот такие школьники, младшие школьники — те все домой. Мы там не могли бегать там до одиннадцати часов.*

Соб. *И что там потом происходило, когда вас выгоняли?*

Инф. *А там оставались уже более взрослые. Ну они там сидели,*

просто разговаривали. Какие-то новости, видимо, они наверно там обсуждали. Вот. Ну мы иногда, конечно, делали, мы там потихонечку там спускались, крадучись так, выходили там. Конечно, потом от дворника мы, конечно, получали¹ (ЕУ Пб–00, ПФ–4, женщина, 1937 г.р.).

Очевидно, что наиболее удобными с точки зрения возможности локализации разных возрастных групп оказывались большие и в той или иной мере благоустроенные дворы в районах новой застройки, где, помимо скамеек для старшего поколения, «*были песочники (так!), где были маленькие, были качели, где играли дети, ну... пятого-шестого класса, а где-то дальше была площадка, где бегали, играли в лапту, то есть это были уже постарше ребята. И, естественно, возле сараев, там были самые старшие, потому что там было удобно, там можно было наверху сесть, на втором этаже этих сараев, свесив ноги, и веселиться*» (ЕУ Пб–00, ПФ–2, женщина, 1939 г.р.). В то же время открытое пространство новых дворов (тем более если оно было лишено традиционных хозяйственных объектов и благоустроено) исключало многие формы быта, которые были характерны для дворов старой части города и о которых пойдет речь в дальнейшем. Типичный для Ленинграда довоенного времени и первого послевоенного десятилетия застроенный сараями и неблагоустроенный двор-колодец осваивался преимущественно детьми и подростками, реже там находили пристанище и некоторые мужские компании.

Хозяйственные объекты: сарай и поленницы

Хозяйственная деятельность жильцов во дворе фокусировалась вокруг нескольких основных объектов. Одним из наиболее важных дворовых локусов были *дровяные сараи* или *поленницы дров* и прилегавшая к ним территория. С дореволюционных времен до войны во многих дворах оставались большие двухэтажные сараи (иногда они были даже каменными), в которых каждая отдельная семья имела право на свой отсек. После войны строительством дровяных сараев заведовали жакты и домоуправления. Иногда дрова находились в подвале дома в индивидуальных отсеках, которые тоже именовали «сараями» («*у нас сараи были в подвале*»). Если места в «общих

¹ Информантка мотивировала запрет детям гулять после семи вечера официальными регламентациями. Однако, во-первых, временные ограничения детских прогулок касались только улиц и общественных мест и не распространялись на дворы, а во-вторых, время, после которого дети не должны были появляться на улицах без сопровождения взрослых, было установлено в 1940 г. — 21 час (для детей до 14 лет), а в 1944 г. — 22 часа (до 16 лет) [О мероприятиях по борьбе. 1940: 2; 0 правилах поведения детей. 1944: 8].

сараях» не хватало, жильцы сооружали индивидуальные сараи самостоятельно, получая для этой цели строительный материал в своем домоуправлении либо собирая его на стройках и свалках.

Несмотря на то, что в условиях нередкого дровяного дефицита содержимое сараев являлось несомненной ценностью, они закрывались на маленькие замочки, бывшие весьма условным препятствием для проникновения внутрь. Особый интерес такая ненадежность запоров, да и конструкции в целом, представляла для детей и подростков, использовавших это пространство для своих игр и других развлечений. (*«Сараи эти, вот до войны в них было прекрасно играть. В сараи, конечно, можно было попасть или через крышу и через заднюю стенку, или еще как-нибудь. Это тоже, это все было страшно интересно, и все было наше»* ЕУ Пб–01, ПФ–41, мужчина 1927 г.р.) Принадлежность каждого сарая в подавляющем большинстве случаев опознавалась без каких-либо указаний номера квартиры или фамилии хозяев, и свободные плоскости могли использоваться детьми в качестве своего рода «информационного табло».

Инф. *Вот такие были надписи: «Вовка, приходи к пяти часам. Придет там Толька, Колька и Иван». И там, что там они дальше затевали — неизвестно. <...> Вот на этих сараях такая почта, домовая почта детей. Там уже куда мы идем, что идем... «Приходи там, — допустим, — туда-то». Вот это писали мелом обычно* (ЕУ Пб–01, ПФ–41, женщина, 1927 г.р.).

В условиях постоянного недостатка жилого пространства в коммунальных квартирах дровяной сарай брал на себя функции кладовки, где помимо дров хранили хозяйственный, а у кого был — спортивный и детский инвентарь. Здесь же могли держать крупногабаритные домашние заготовки (например, бочку с квашеной капустой), а в периоды острого продуктового дефицита — мелкую домашнюю живность, большей частью кур, кроликов или поросят¹. В то же время, несмотря на свою многофункциональность, сарай устойчиво соотносился с муж-

---

¹ Отчасти на это повлияло изменение социального состава населения центральных районов города в результате переселения в них обитателей рабочих окраин и сельских жителей, принеших соответствующие повседневные практики. Содержание домашних животных кроме кошек, собак и кроликов в центральных районах города (за исключением Василеостровского) впервые было запрещено в марте 1941 г. В послевоенные годы эта территория постепенно увеличивалась, и в 1953 г. содержание любого домашнего скота и птицы было запрещено во всем городе [О порядке содержания домашнего скота. 1933; О содержании домашних животных. 1939; 1941; 1944; 1946; 1948; 1949; 1951; 1953]. На периферии города, в рабочих районах и советских новостройках (где это было запрещено) жители, многие из которых были сельского происхождения, заводили огороды и держали в сараях мелкую домашнюю живность и даже коров до конца 1940-х — начала 1950-х гг. (ЕУ Пб–00, ПФ–3, женщина, 1939 г.р.; ЕУ Пб–02, ПФ–44, мужчина, 1930 г.р.).

ской сферой, в первую очередь потому, что все обязанности по заготовке дров (поездки на дровяные склады, доставка, пила и регулярное пополнение небольшого запаса дров в квартире, хранившегося между дверями на «черную» лестницу) считались мужскими¹.

Помимо своего прямого назначения, сарай нередко функционировал как своего рода мастерская главы семьи, который мог соорудить там стол-верстак и даже нары и таким образом создать личную зону за пределами перенаселенной коммунальной квартиры². Наибольшего распространения эта практика достигла в послевоенный период, когда началась активная замена печного отопления на центральное и сараи частично опустели, но продолжали считаться необходимым элементом дворового пространства. Надо отметить, что жители дома далеко не всегда приветствовали благоустройство своего двора, требовавшее сноса сараев, предпочитая иметь дополнительную хозяйственную площадь в личном пользовании, а не дворовый садик — в общественном³.

Разумеется, соответствующие роли, стратегии и навыки передавались сыновьям, которые обычно принимали активное участие в «дровяных работах»⁴. Оставшись старшим мужчиной в семье (в ситуации смерти отца или его ухода на фронт), мальчики-подростки обычно брали на себя заботу о дровах и наследовали мужское право на сарай.

Инф. *А потом вот в этих сараях, я помню... отец всегда норовил чего-то поделывать, он так, видимо, любил этим заниматься. Ну, а кроме того и нужно было, потому что все, что можно, по*

¹ В отсутствие в семье трудоспособного мужчины за небольшую плату эту работу брались выполнить дворники или желавшие подработать подростки. Кроме того, существовали и профессиональные пильщики дров, ходившие по дворам или дожидавшиеся клиентов в установленных местах, например на рынках.

² Позже такими «мужскими территориями» стали гаражи, игравшие роль мастерских, мест хранения овощей и домашних заготовок, а также сбора мужских компаний.

³ Например, в 1957 г. на одном из заседаний комиссия содействия эксплуатации жилого фонда поддержала жителей дома, просивших сохранить им индивидуальные сараи, хотя потребности в дровах у них уже не было. На тот момент по инициативе исполкома взамен старых уже строились новые стандартные сараи, которые должны были использоваться только как кладовки, из расчета 3 м² (один сарай) на три (в данном случае отдельные!) квартиры в доме послевоенной постройки. Однако и сами жильцы, и члены комиссии сочли это совершенно недостаточным [ЦГА. Ф. 4948. Оп. 4. Д. 310. Л. 11–12об].

⁴ Для девочек аналогичным приобщением к «женской работе», а иногда и к женскому сообществу, была стирка в дворовой прачечной. Несмотря на то, что немеханизированная стирка была достаточно тяжелой работой, к ней привлекали преимущественно дочерей, соблюдая, таким образом, гендерное разделение ролей. Доставка дров для растопки плиты или выстиранного белья на чердак могла быть поручена мужу или сыну. В некоторых домах стиркой занимались, собираясь небольшими группами, в этой ситуации дворовая прачечная оказывалась главным местом общения и взаимодействия женского сообщества (см., напр.: [Иванова 2001: 56]).

хозяйству надо было сделать, купить—то мы ничего не могли. И у нас в сарае был вот верстак, какие-то приспособления, там какой-то инструмент был. <...> Я же вот после отца командовал этим сараем. Это мне уже было... в 51-м году пятнадцать лет, да.

Соб. То есть вообще сараем заведовал мужчина?

Инф. Ну конечно. Да, мама особенно туда и не входила. Я помню, там это моя была вотчина, да. <...> Ну, вот я говорю, у меня это был какое-то одно время даже вот центр моего интереса. Там чё-то я там делать пытался какие-то... Ну это своя территория. Потому что тогда же очень актуально было иметь свою территорию. <...> А сарай я некоторое время воспринимал как именно моя территория, куда я могу уйти, и здесь никто, я тут один хозяин. Это важно было для меня, видимо, потому что все-таки все время в комнате мы все вместе, и там как бы что-нибудь другое (ЕУ Пб–01, ПФ–35, мужчина, 1936 г.р.).

Подобное использование сарая уже само по себе вводило тему досуга — это было место, где держали дрова, хозяйственную утварь, и где мужчина мог «на досуге» что-то мастерить. Кроме того, оборудованный под мастерскую сарай нередко становился пристанищем мужской компании, не желавшей выпивать во дворе «у всех на глазах» и, как правило, не имевшей возможности устроиться дома. Таким образом, хозяйственная функция объекта благополучно совмещалась с досуговой.

Немаловажным свойством «самопальных» сараев была хаотичность их расположения. Это создавало во дворе множество закутков, которые не только становились идеальным пространством для детских игр, но также могли использоваться взрослой или подростковой компанией для выпивки или отправления естественных потребностей. В послевоенные годы функции этого пространства как мужской зоны, допускавшей ненормированные формы поведения, были частично переданы освободившимся дровяным сараям. Как правило, ни жильцами дома, ни домовой администрацией эта ситуация не воспринималась как отклонение, хотя детям могли запрещать играть в районе дровяных сараев или вообще на «черном» дворе.

Инф. Ну, выпивали. Пьяненькие всегда [были]. Мужики старшие частенько поддавали в закуточке. Конечно, демонстративно никто это не делал. <...> Думаю, даже у всех просто внутренне считалось, что это неприлично [выпивать на виду у людей]. Точно так же, как встать и мочиться в центре. Конечно, если нужно это сделать, то нужно прикрыться, за какой-то угол зайти (ЕУ Пб–01, ПФ–36, мужчина, 1936 г.р.).

Соб. *А во дворе туалет был?*

Инф. *Нет. За сарай все ходили. А как же? А куда же ходить-то? Мужики! Обязательно. А больше некуда¹* (ЕУ Пб–00, ПФ–7, женщина, 1937 г.р.).

Значительно большим набором функций дровяные сараи, поленницы и разного рода закутки обладали для подростковых компаний, которые нуждались в *визуально недоступных* взрослым пространствах. В щели, образованные сараями и поленницами, забирались покурить или приобрести первый опыт интимного общения с противоположным полом — поцеловаться и «титечку потрогать». Обладатели благоустроенных дровяных сараев (а также ключей от отцовских или соседских сараев, равно как и умельцы вскрывать чужие замки) могли позволить себе и более взрослые формы отношений.

Отметим, что другими осваивавшимися с той же целью пространствами были подвалы и чердаки дома. Благодаря тому, что их использовали для хранения вышедших из употребления вещей (например, старых матрасов), здесь также имелся некоторый элемент «благоустройства» (на чердаках к тому же обычно сушили белье). В одном из встретившихся примеров старшие подростки приводили на чердак и в подвал «снятых» девиц. Поскольку пространство было общественным и к тому же известным своей «злачностью» дворникам и участковому милиционеру, младших участников действия ставили «на атаке». В награду последние получали свои первые теоретические и практические уроки «взрослых» отношений².

В некоторых случаях такого рода развлечения могли доходить и до откровенно преступных действий. К подобным «жизненным реалиям» апеллировали весьма распространенные, особенно в послевоенные годы, «женские страхи», как то: *«Мне все казалось, что из-за какой-нибудь поленницы кто-нибудь выскочит и меня утащит или нападет, или убьет, и это было очень страшно»* или *«Были разговоры, что чердаки и подвалы — это самое ужасное место, что там могут затащить и убить, и раздеть, то есть подвал — страшнее не придумаешь»* (ЕУ Пб–01, ПФ–32, женщина, 1940 г.р.). Приводимая ниже цитата иллюстрирует как противозаконные, так и «романтические»

¹ До революции во многих дворах находились туалеты, предназначенные для прохожих, о чем гласила вывеска на воротах. Некоторое время дворовые туалеты продолжали существовать и в советскую эпоху, однако большинство из них пришло в непригодное состояние и было разобрано еще до войны. Тем не менее, даже лишившись этого элемента благоустройства, дворы сохраняли и по сей день сохраняют прежнюю функцию.

² Интервью, из которого взят этот сюжет, описывает быт в довольно криминализованном районе в послевоенные годы (ЕУ Пб–01 ПФ–26, мужчина, 1940 г.р.).

похождения пятнадцатилетнего подростка и его компании в рабочем районе города в первые послевоенные годы.

Инф. *Поскольку в нашем сарае, когда уже поросятами не занимались, он пустой практически был. Значит, даже там ставили какие-то полати, отец там делал что-то, что там можно было прилечь, посидеть, отдохнуть. <...> Ну, у пацанов, у нас было — хулиганили очень. <...> И вот когда как-то раз я уехал за дровами, мальчишки собрались, хапнули девчонку и... м-м... в нашем сарайчике — Толя¹ знал, где ключ лежит, это спокойно было — и там они ее изнасиловали. И все они попались. Короче говоря, Толю Андреева посадили на пять лет, он вскоре там и помер. Я к чему это рассказываю. Что я вполне мог бы быть в этой компании, если б я не... ну был при сем². <...>*

Соб. *А девчонки у вас как-то фигурировали, или это была отдельная мужская компания?*

Инф. *Нет, общей компании не было. Но девчонки были, вот в кино, так сказать, по сарайчикам там где-то там попржимались. <...> Вот я помню, что я с Диной [первая жена информанта] познакомился... так-то я знал ее, ходил, мы знали, виделись. А так как-то выхожу — я со своего первого этажа и она с лестницы. Так что я на нее [посмотрел], она на меня: раз — расцеловались. Я ее за ручку — и в сарай повел. Ну, правда, ничего не было (ЕУ Пб—02, ПФ—44, мужчина, 1930 г.р.).*

Как можно заключить из предшествующего изложения и приведенных примеров, в гендерном отношении территория двора делилась на *общие* и *мужские* зоны³. К первым относилось главным образом открытое, *визуально доступное* пространство, на котором действовали нормы и правила, существовавшие как бы *a priori*, установленные и принятые для *всех дворов*, но эксплицитовавшиеся преимущественно женской частью общества и представителями домового администрирования (при том что к концу 50-х гг. многие из этих должностей фактически стали женскими). Эта зона (или «первый», «чистый» двор) по возможности благоустраивалась и предназначалась в первую очередь для игр и прогулок детей, находившихся под присмотром дворника, «дворовых бабушек» и прочих жильцов, чьи окна выходили во двор. Таким образом, открытое простран-

¹ Все упоминаемые в интервью реальные имена заменены вымышленными.

² История о доступном друге ключе от сарая вполне правдоподобна, но справедливости ради отметим существование другой версии этого случая, известной со слов информанта его дочери. Согласно ей, информант принимал непосредственное участие в происшествии, но в отличие от своего друга «вышел сухим из воды».

³ Гендерное структурирование дворового пространства, несомненно, заслуживает отдельного исследования и не может быть подробно рассмотрено в рамках настоящей статьи.

ство двора могло характеризоваться как *общее (=женское) — видимое — подконтрольное — чистое — предназначенное для досуга (=детское)*.

«Мужская» часть пространства во многом совпадала с хозяйственной зоной (и именно хозяйственная деятельность «оправдывала» пребывание мужчины во дворе). Она включала *личные места* (сарай, позже гаражи, а в отдельных случаях участки, на которых за неимением достаточного пространства в квартире работал какой-нибудь «дворовый мастер», например столяр), *места различных групп* (стол доминошников, скамейку шахматистов, поленницу, на которой собирались подростки, и т.п.), а также территорию, прилегавшую к хозяйственным объектам (в том числе образованные сараями «закутки», зону около помойки или мусорных баков), или в целом хозяйственный двор, а иногда и подвалы, чердаки, «черные» лестницы. Будучи *визуально недоступной* с позиции наблюдателя открытого пространства, эта территория как бы не попадала в сферу контроля домовой администрации и коллектива жильцов. Точнее, происходившее здесь обычно игнорировалось — до тех пор, пока тем или иным образом не затрагивало интересы остальных жителей дома¹. Правила *мужского пространства* в каждом конкретном дворе считались *местными* и устанавливались *a posteriori* — наиболее активной, авторитетной и/или сильной группой. В целом это пространство могло характеризоваться как *хозяйственное (=мужское) — нечистое — невидимое — неконтролируемое*, а в отношении пребывания женщин и детей нередко получало оценки, располагавшиеся в диапазоне от *неподходящее (=нечистое, недостойное)* до *опасное и/или запретное*. При этом дети во многих случаях имели возможность выбирать и успешно маневрировать между открытым и контролируемым «общим» пространством и менее безопасным пространством «широких возможностей». Для мальчиков и подростков освоение «мужского» пространства могло становиться своего рода социализацией, причислением к группе «настоящих (=дворовых) пацанов».

Интересен сюжет довоенного времени, описывающий ситуацию двора в первых советских новостройках. В этом дворе были только поленницы дров, между которыми подростки соорудили себе небольшие укрытия — «бутахи»², служившие для них функциональной заменой сараев. На первый план здесь выхо-

¹ Либо пока акустическая информация (например, доносившиеся из этой зоны крики или брань) не восполняла недостаток визуальной.

² Производное от *будка*; аналогия этому названию обнаруживается в лексиконе голубятников (пожалуй, одного из самых колоритных мужских городских сообществ, особенно в послевоенные годы), где *будка* означает «голубятня».

дили статусные отношения в группе: правом на такое строительство обладали лидеры и наиболее авторитетные члены общества, поскольку «бутаха» не просто обеспечивала визуальную недоступность, но и считалась «частным владением»¹. Поэтому, несмотря на фактическое отсутствие каких-либо заповров, самовольное вторжение на чужую территорию было чревато серьезными последствиями для нарушителя.

Наличие «бутахи» маркировало и одновременно повышало статус ее владельца, который мог *приглашать к себе*, выступая в роли *хозяина*. К тому же в некоторых случаях это пространство могло использоваться для решения появлявшихся в подростковом возрасте потребностей (деньги на сигареты, походы в кино и т.п.). Для младших уже сама возможность быть допущенным в «бутаху» была уникальной. Поэтому устраивавшиеся для них своеобразные «литературные мероприятия», когда хозяин *«собирал шкетов вроде меня, которые были на несколько лет младше его, в бутахе и в абсолютной темноте страшным голосом пересказывал „Человек, который смеется“, истории про компрачиков»*², безусловно, требовали оплаты (ЕУ Пб–01, ПФ–24, мужчина, 1929 г.р.).

В более простом варианте *«в дровах рыли пещеры... делали укрепления такие, шахточки, и там, в них жили»* (ЕУ Пб–01, ПФ–35, мужчина, 1936 г.р.); мальчики *«в закуточках собирались в карты играть, в такие азартные игры³, играть в ножнички»* (ЕУ Пб–01, ПФ–32, женщина, 1926 г.р.). Кроме того, для младшей части детского сообщества дровяные сараи и поленицы служили идеальной территорией для всех вариантов игр типа «прятки» и «пятнашек», в которых могли принимать участие как мальчики, так и девочки. В отличие от тайных развлечений старших эти игры были на виду и поэтому могли встречать негативную реакцию взрослых, опасавшихся либо за своих детей, либо за содержимое своих сараев. Однако в целом ситуация *двойного функционирования дворовых объектов*, использовавшихся как для хозяйственных нужд, так и для досуга, в рассматриваемую эпоху была обычной.

В тесно застроенных дворах детские игры нередко переносились на крыши сараев (а иногда и на крышу дома), которые, таким образом, восполняли недостающее пространство двора

¹ О строительстве другого рода подростковых укрытий — «штабов», служивших общим владением группы, на материалах более позднего времени см.: [Осорина 2000: 147–169].

² В данном случае «интеллектуальность» дворового досуга отчасти объясняется тем, что новостройки, о которых идет речь, в значительной степени заселялись семьями, принадлежавшими к советской элите.

³ Помимо карт запретными считались все варианты игр «в деньги»: «пристенки», «расшибаловка» и т.п.

в другой плоскости и, кроме того, предоставляли дополнительные игровые возможности¹. Будучи детской (и в большей степени мальчишеской) территорией, крыши сараев нередко оказывались ареной, на которой происходили регулярные «стычки» — драки, имевшие основной целью определение/подтверждение статусных позиций в группе и поэтому необходимо демонстративные².

Особое статусное значение имела позиция *сидения на дровах* «верховодившей» во дворе группы старших подростков. Как правило, возраст такой компании мог быть около четырнадцати-шестнадцати лет с максимальным диапазоном в два-три года. В противоположность вышеупомянутым сюжетам, для которых основной являлась тема *невидимости*, здесь, как и в предыдущей ситуации, на первый план выходила *демонстрация сильной позиции*.

Инф. ...когда все эти рыцари или, так сказать, большие люди, клан сидел на дровах, то они имели право сказать: «иди сюда», — мы должны были к ним идти.

Соб. А дрова это особое место?

Инф. Бревна, это бревна. Там плевались, лужгали семечки, рассказывали анекдоты. Они между собой. А мы кругом них крутились. Потому что там был мир неведомый, мир взрослых. Туда могли вызвать, сказать: «Баря, иди сюда. Пойди купи, там... кружку кваса». <...> Поручения были абсолютно разные, достойные этих людей. В магазин, чего-нибудь еще, ну могли сказать, у кого... кто плохо жил: «Принеси кусок булочки... с маслом. У бабушки, давай, быстро». Я шел домой, нарезал, приносил, потому что я понимал, что им это надо³ (ЕУ Пб–01, ПФ–24, мужчина, 1929 г.р.).

Тема формирования разных по возрастам детских и подростковых групп и их взаимоотношений во дворе, несомненно, заслуживает отдельного рассмотрения. Не останавливаясь на этом

¹ С 60-х гг. и по сей день такое двухъярусное использование двора находит продолжение в устройстве детских игровых площадок над хозяйственными складами, бомбоубежищами или гаражами.

² Впрочем, «позиционные драки» были ориентированы в первую очередь не на внешних зрителей, а на самих членов группы, которые могли присутствовать здесь же, на крыше.

³ Ср. описание «подати» в воспоминании Александра Колкера: «Иногда я клал скрипочку под подушку и набивал футляр «бацилкой» и «балабаской», а также «черняшкой» и «беляшкой». Это воровской жаргон. Во дворе у нас жили ребята, которые уже чалились, то есть отсидели свое. Они и держали верха. А тут мальчик в очечках со скрипочкой. Какой-нибудь Чураха непременно брал меня за шиворот и спрашивал: «Ну, что — принес бацилку-балабаску?» Бацилка — это все жирненькое, балабаска — все сладенькое. Черняшка и беляшка, понятно, хлеб. Таким образом, я нес в футляре подать, за что Чураха держал мазу, не давал меня в обиду» [Крышук, Ланда 2002: 14].

вопросе специально, отметим только одну важную возрастную границу. Для значительного числа информантов верхним рубежом «дворового детства» оказывался приблизительно двенадцати-четырнадцатилетний возраст, когда возникало два возможных варианта дальнейшего развития сценария. Либо акцент переносился на иные сообщества, образованные уже по принципу общности интересов, а не места проживания («своей территории») и, как правило, в этой ситуации для подростка *«двор переставал существовать»*. Либо двор для него *«расширялся»* до размеров небольшой городской территории, ограниченной несколькими соседними кварталами. Целостность такого сообщества, как правило, определялась наличием старшей полукриминальной группы, которая здесь *«держала верха»*¹. Во многих случаях в эту группу были также включены дворовые лидеры, и, таким образом, потенциально двор мог оказаться *«проводящей средой»* в криминализированный мир.

Приблизительно тот же возраст оказывался рубежом «взрослости» и с внешней точки зрения. Четырнадцатилетний подросток, как правило, уже не входил в категорию «детей» и вполне мог быть допущен в мужскую дворовую компанию — за стол доминошников или просто к совместной выпивке. Соответственно в этом возрасте с него снимались все «оправдывающие» детский дворовый досуг обстоятельства, и «задержавшийся во дворе» подросток причислялся сообществом жильцов к категории лиц, живущих низменными «дворовыми интересами» или попавших в «плохую компанию».

Вместе с тем в годы массового благоустройства дворов именно подростковые компании могли становиться «активистами» этого движения, как по собственной воле, так и по инициативе домовой администрации. В этом плане показательны два примера второй половины 50-х гг. В первом случае на собрании жильцов обсуждался вопрос о том, что *«подростки и взрослые ребята»* не давали покоя жителям дома до глубокой ночи, шумели, *«били в окнах стекла мячом, в нетрезвом виде, играли в карты»*. Собрание решило отвести для «сборищ» другой, более подходящий двор (вероятно, с глухими стенами) и помочь оборудовать спортплощадку, поскольку *«молодежи нужно дать возможность развлекаться полезно»*. В заключительном слове нарушители спокойствия называются уже *«комсомольцами»*, и им рекомендуется заняться устройством спортивной площадки, обратившись в РК комсомола [ЦГА. Ф. 4948. Оп. 4. Д. 310. Л. 21–21об].

¹ В разные периоды и в разных районах города такие группы могли называться «гопники», «шпана», «ФЗУшники», «ремесло» и т.д.

В другом примере старшие подростки, сами сделавшие во дворе футбольное поле, долгое время не давали строить на этом месте детский сад, каждую ночь разрушая все, что было построено. Квартальный милиционер, хорошо знавший эту компанию по прочим прегрешениям, не мог ее урезонить. Повидимому, встречный вопрос: «Ну, а чё, где будем в футбол-то играть?» — в эти годы уже выглядел весомым аргументом. В результате наказания не последовало, поскольку сам «протест» оказался в русле движения за благоустройство дворов и организацию досуга детей и подростков. Напротив, милиционер добился того, что строителям пришлось соорудить новое футбольное поле на ближайшей свободной территории, и только после этого подростки «разрешили» возвести в своем дворе детский сад (ЕУ Пб–04, ПФ–51, мужчина, 1941 г.р.).

С началом массового строительства центрального отопления и газопровода и благоустройства дворов старой части города в 50-х гг. на месте разобранных дровяных сараев повсеместно устраивались садики и детские площадки. Набор новых дворовых объектов, призванных организовать детский досуг, как и вариантов их использования, был невелик и довольно однообразен: горка и каток — зимой, песочница и качели — летом, позже во дворах начали появляться однотипные «лесенки». В этот период с официальной позиции, следующей концепции «благоустроенного двора», хозяйственные объекты и сама хозяйственная деятельность начинают трактоваться как обстоятельство, мешающее детскому досугу. Так, в справке о результатах проверки состояния детских площадок комиссией содействия домохозяйствам с детьми причиной *плохого благоустройства* оказываются сушащееся белье, дровяные сараи и дрова, которыми «захламлены» дворы [ЦГА. Ф. 4948. Оп. 1. Д. 420. Л. 12]. И в целом двор (за исключением асфальтированного проезда вдоль дома), даже застроенный сараями и неблагоустроенный, начинает называться словом «*площадка*». Главенствующей формой быта двора-площадки, без сомнения, становится детский досуг.

* * *

Изменение социального контекста в послереволюционные годы нарушило традиционную прагматику двора и послужило одной из основных причин активизации ленинградской дворовой жизни, продолжавшейся на протяжении четырех десятилетий. В силу своей соотнесенности с хозяйственной — непарадной и нечистой — сферой и традиционно низкого статуса двор оказывался пространством, не представляющим особой ценности с точки зрения досуга и в принципе «ничьим». Это давало возможность осваивать его любым жителям дома и

сообществам и вместе с тем нередко накладывало на них или их семьи отпечаток «малокультурности». По той же причине двор допускал значительно больший диапазон форм поведения и практик, чем другие публичные городские пространства или внутреннее пространство дома.

Помимо необходимой хозяйственной деятельности, наиболее оправданной сферой использования двора со временем стал детский досуг. Эти две функции определяли основное зонирование городских дворов. При этом хозяйственная зона приобрела черты «мужского пространства», с которым соотносились многие негативно оцениваемые поведенческие практики, а открытая и «чистая» зона двора, предназначавшаяся для детей, находилась под контролем и опекой женской части сообщества и домовой администрации. Однако младшее поколение нередко предпочитало не контролируемую взрослыми хозяйственную зону или «задний» двор, занятый сараями и поленницами и предоставлявший максимальную вариативность развлечений и форм поведения.

Противопоставление нового просторного и благоустроенного советского двора, предназначенного для отдыха детей и трудящихся, мрачному и вредному для здоровья двору предшествующей эпохи возникло еще в 1920-е гг., однако реальное воплощение этой идеи в массовом порядке началось спустя тридцать лет. В течение этого периода хозяйственная («мужская») составляющая дворового быта постепенно теряла свой приоритет и обретала статус вынужденной, мешающей главному назначению двора, каковым является детский досуг. Фактически произошел обмен позициями двух наиболее «оправданных» функций двора. Благоустроенный двор не имел объектов взрослой хозяйственной деятельности, меньше подходил для «непарадных» форм досуга, свойственных мужским дворовым сообществам¹, не испытывал существенного влияния дворников и «дворовых бабушек»² и с 60-х гг. обрел окончательный и «достойный» статус *детского пространства*.

---

¹ Впрочем, при наличии «закутков», каковыми с 60-х годов служат элементы детского благоустройства — различные домики, пространство под горкой и т.п., а порой и на открытых площадках в новых дворах благополучно обосновываются небольшие выпивающие компании.

² Изменение формы административного управления домами — переход небольших жактов в жилищные управления, обслуживавшие целый микрорайон, — снизило не только статус правдома и дворника, но и влияние «дворовых бабушек».

Сокращения

ЦГА — Санкт-Петербургский центральный государственный архив.

Архивные материалы

ЦГА. Ф. 151. Оп. 5. Д. 139. 1942. Исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся Петроградского района гор. Ленинграда. Докладные записки и переписка с домохозяйствами о состоянии красных уголков. 73 л.

ЦГА. Ф. 4948. Оп. 1. Д. 420. 1949. Исполком Свердловского райсовета г. Ленинграда. Материалы о работе общественных комиссий содействия домохозяйствам с детьми (протоколы, докладные записки и сведения). 50 л.

ЦГА. Ф. 4948. Оп. 4. Д. 310. 1957. Исполнительный комитет Свердловского районного Совета депутатов трудящихся гор. Ленинграда. Оргинструкторский отдел. Протоколы заседаний комиссий содействия домохозяйствам. 85 л.

Библиография

Алфавитный сборник распоряжений по С.-Петербургскому Градоначальству и Столичной Полиции, извлеченных из приказов за 1886-1890 гг. СПб.: тип. СПб. градоначальства, 1892.

Алфавитный сборник распоряжений по С.-Петербургскому Градоначальству и Полиции, извлеченных из приказов за 1891—1901 гг. / Сост. И. Высоцкий. СПб.: тип. СПб. градоначальства, 1902.

Бенуа А.Н. Мои воспоминания. М.: Наука, 1980. Т.1.

Бродович Н.С., Кругляков Ю.Г. Вопросы рационализации планировки жилых зданий и кварталов. Л.: НИИКХ, 1937.

Бубнов П.Г. Физкультурные и игровые площадки на квартале // Планировка и застройка кварталов: Сб. ст. Л.; М.: Изд-во Наркомхоза РСФСР, 1939. Ч.1. С. 138—151.

Герасимова К., Чуйкина С. От капиталистического Петербурга к социалистическому Ленинграду: изменение социально-пространственной структуры города в 30-е годы // Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920—1930-е годы / Под общ. ред. Тино Вихавайнена. СПб.: Журнал «Нева», 2000. С. 27—74.

Де-Плансон В. Социалистическое благоустройство городов // Коммунальное дело. 1923. № 9—10. С. 46—50.

Добужинский М.В. Воспоминания / Изд. подгот. (примеч., сост.) Г.И. Чугунов. М.: Наука, 1987.

Eago. В поисках за квартирой // Домовладелец. 1906—1907. № 8. С. 14—15.

Журнальная мозаика // Северная пчела. 1840. 29 авг. С. 1—2.

Иванова И.А. Мы жили на Курляндской. М.: ЗАО «Орбита-М», 2001.

- Коллиандер Т.* Петербургское детство. Главы из воспоминаний // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. II. М.; СПб.: Atheneum. Феникс, 1995. С. 5–54.
- Кони А.Ф.* Петербург. Воспоминания сторожила. Пг.: «Атеней», 1922.
- Кругляков Ю.Г.* Планировка кварталов капитального строительства // Планировка и застройка кварталов: Сб. ст. Л.; М.: Изд-во Наркомхоза РСФСР, 1939. Ч.1. С. 5–77.
- Крыжук Н.* Город детства // Тебе, Петербург: Альманах Всемирного Клуба петербуржцев. СПб. 1997. № 2. Вып. 2. Ч. 2. С. 168–171.
- Крыжук Н., Ланда М.* Мария Пахоменко, Александр Колкер // Дело. 2002. 1 июля. С. 14–15.
- М. В-ов.* К децентрализации столичного населения // Домовладелец. 1908. № 1. С. 7–11.
- Некрасов Н.А.* Петербургские углы (Из записок одного молодого человека) // Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов под ред. Н. Некрасова (с политипажами). СПб.: А. Иванов, 1844. Ч. I. С. 253–303.
- Nina.* О современной обстановке и убранстве жилищ // Домовладелец. 1906-1907. № 9. С. 11–12.
- О борьбе с нарушениями детьми правил уличного движения // Постановления и распоряжения Ленсовета и его отделов. 1933. № 40. С. 5.
- Об организации внешкольной работы с детьми летом 1936 года // Постановления и распоряжения Ленсовета и его отделов. 1936. № 26. С. 1–3.
- Об организации обслуживания детей школьного возраста летом 1938 г. // Постановления и распоряжения Ленсовета и его отделов. 1938. № 23. С. 3–5.
- Об усилении борьбы с безнадзорностью детей и подростков // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1950. № 8. С. 1–2.
- Об усилении борьбы с безнадзорностью детей и подростков // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1952. №7. С. 5–7.
- О внешкольной работе с детьми в 1938–1939 учебном году // Бюллетень Ленинградского Совета РК и КД. 1938. № 49. С. 4–5.
- О мерах борьбы с уличной безнадзорностью и хулиганством детей и подростков // Постановления и распоряжения Ленсовета и его отделов. 1937. № 43. С. 3–4.
- О мероприятиях по борьбе с детской безнадзорностью (Обязательное постановление) // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1940. № 11. С. 2.
- О порядке занятий с детьми вне школы // Бюллетень НКВД. 1924. № 1. С. 1.
- О порядке содержания домашнего скота в г. Ленинграде // Постановления и распоряжения Ленсовета и его отделов. 1933. № 32. С. 5.
- О правилах поведения детей в общественных местах (в театрах, кино, парках, трамваях, на стадионах и т.д.) и на улицах города

- Ленинграда // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1944. № 12. С. 8.
- О предупреждении детского уличного травматизма // Бюллетень Ленинградского Совета РК и КД. 1938. № 26–27. С. 7.
- О содержании домашних животных и птицы и о порядке убоя скота // Бюллетень Ленинградского Совета РК и КД. 1939. № 1. С. 2–3.
- О содержании домашних животных и птицы и о порядке убоя скота // Бюллетень Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1941. № 13. С. 5–6.
- О содержании домашних животных и птицы и о порядке убоя скота // Бюллетень Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1944. № 16. С. 7–8.
- О содержании домашних животных и птицы и о порядке убоя скота // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1946. № 23. С. 13–14.
- О содержании домашних животных и птицы и о порядке убоя скота // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1948. № 18. С. 8–9.
- О содержании домашних животных и птицы и о порядке убоя скота // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1949. № 3. С. 10.
- О содержании домашних животных и птицы и о порядке убоя скота // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1951. № 9. С. 10–13.
- О содержании домашних животных и птицы и о порядке убоя скота // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1953. № 9. С. 10–13.
- О «частных дошкольных группах» // Бюллетень Исполкома Ленгорсовета. 1941. № 24. С. 5.
- Осорина М.В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: «Питер», 2000.
- Пажитнов К.Н.* Экономический очерк Петербурга // Петербург и его жизнь. С планом С.-Петербурга. СПб.: «Жизнь для всех», 1914. С. 39–71.
- Паскаль, Труболе.* Угарные результаты домостроительной вакханалии // Домовладелец. 1906–1907. № 3. С. 4–6.
- Протопопов Д.* О необходимых мерах по жилищному вопросу: Доклад Одесскому Съезду Городских Деятелей // Городское дело. 1910. № 20. С. 1389–1400.
- Р.* Воздухоо свежение домов // Домовладение и городское хозяйство. 1911. № 3. С. 4–5.
- Ремизов А.М.* Крестовые сестры // Ремизов А.М. Собр. соч. М.: Русская книга, 2001. С. 97–208.
- Рубнер М.* Гигиена жилища. В общедоступном изложении. СПб.: «С.-Петербургская электропечатня», 1902.
- Светлов С.Ф.* Петербургская жизнь в конце XIX столетия (в 1892 году). СПб.: «ГИПЕРИОН», 1998.
- Столичная хроника // Домовладение и городское хозяйство. 1911. № 3. С. 10–11.
- Топоров В.Н.* Русск. заби(ва)ть козла // Studia linguistica. Lisse, 1978. P. 425–433.

- Успенский Л.В.* Записки старого петербуржца: Главы из книги. Л.: ЛИРА, 1990.
- Филатов Л.А.* Нет худа без добра: Стихотворения, пародии, интервью, проза для кино. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
- Чуйкина С.А.* Жизненные траектории дворян в советском обществе: Ленинград 1920–1930-х годов: Дис. ... канд. социолог. наук. СПб., 2000а.
- Чуйкина С.А.* Дворяне на советском рынке труда (Ленинград, 1917–1941) // Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920–1930-е годы / Под общ. ред. Тино Вихавайнена. СПб.: Журнал «Нева», 2000б. С. 151–192.